

ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

И.А. ШАРАПА

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НАСЛЕДОВАНИЯ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Реализация наследственных прав предполагает соблюдение определенной процедуры, в ходе которой наследник вступает в правоотношения процессуального характера. Например, юридическим подтверждением прав на наследственное имущество является выдаваемое органами нотариата свидетельство о праве на наследство, порядок получения которого урегулирован специальным законодательством. Совокупность последовательных действий, направленных на материализацию наследственных прав, можно охарактеризовать как наследственный процесс.

Наследственный процесс опосредует динамику наследственного правоотношения и подвержен воздействию специальных правовых правил. Таким образом, в институте наследования может быть выделена группа правовых норм, имеющих процессуальный характер и регулирующих отношения наследников с правоприменительными органами по поводу осуществления и защиты их наследственных прав.

В результате воздействия указанных норм на общественные отношения формируется наследственное процессуальное правоотношение. Его субъектами выступают, с одной стороны, наследники, а с другой — органы суда, нотариата и иные государственные органы. Поскольку местные Советы депутатов, государственные нотариальные конторы, охраняющие и оформляющие наследственные права, являются органами государственного управления, их деятельность регулируется нормами административно-процессуального права. Порядок разрешения споров между наследниками, установление факта родства, смерти и иных фактов, имеющих существенное значение для возникновения, изменения и прекращения наследственного правоотношения осуществляется судами в рамках гражданского судопроизводства. Таким образом, наследственный процесс — комплексное правовое явление, сочетающее административно-правовой и гражданско-правовой аспекты.

Включение в наследственное правоотношение иностранного элемента существенно образом модифицирует и осложняет его правовое регулирование. Данный тезис вполне применим и к процессуальному аспекту наследования. Причем позиция законодателя при определении права, подлежащего примене-

Инга Александровна Шарапа, ассистент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета.

нию к материально-правовой и процессуальной составляющей наследования, может быть различной. Например, круг наследников по закону в общем случае будет определяться по праву страны, где наследодатель имел последнее постоянное место жительства [1, ст. 1133], а порядок разрешения спора между ними по поводу наследования регулируется процессуальным законом государства местонахождения суда [2, ст. 542].

Специфика процессуального наследственного правоотношения, осложненного иностранным элементом, устанавливается его субъектным составом (участие консульских учреждений, иностранных судов, специализированных адвокатских коллегий и т.д.), наличием дополнительных стадий (квалификация правоотношения в качестве трансграничного наследования, определение применимого права и др.), а также особенностью использования процессуальных документов (экзекватура, легализация). При этом возможны ситуации, когда материально-правовое отношение будет осуществляться исключительно в рамках национального правопорядка, а связанное с ним процессуальное правоотношение будет осложнено иностранным элементом. Например, белорусский гражданин, наследники которого и все наследственное имущество находится на территории Беларуси, умер в период временного пребывания на территории иностранного государства. В данном случае юридический факт, лежащий в основе возникновения наследственного правоотношения, будет устанавливаться с участием официальных органов иностранного государства и потребует соблюдения соответствующей процедуры.

В научной литературе понятие наследственного процесса обычно связывается только с деятельностью государственных юрисдикционных органов, деятельность судов по разрешению наследственных споров при этом исключается и рассматривается исключительно в контексте гражданского процесса. Например, П.С. Никитюк определял наследственный процесс как «совокупность действий по реализации наследственных прав участниками наследственного правоотношения, опосредующих его динамику и имеющих процессуальное значение, а совокупность правовых норм, регулирующих порядок реализации наследственных прав с помощью компетентных органов (исключая суды), составляет наследственное процессуальное право» [3, 47]. Такой подход основан на отраслевой концепции права, предусматривающей жесткое структурирование единого правового массива на определенное число отраслей по предметному признаку. Однако следует иметь в виду, что выделение в системе права отдельных отраслей и институтов во многом носит условный характер и преследует методические и методологические цели, и направлено на решение практических задач нормотворчества и правоприменения. Поэтому вряд ли стоит абсолютизировать закрепившуюся в доктрине и кодексах отраслевую структуру права. При решении конкретных практических задач в качестве системообразующего может быть избран любой другой, помимо предметного, критерий. В частности, при рассмотрении порядка реализации наследственного отношения за основу группировки правовых норм следует взять функциональный признак.

Объединение в едином правовом институте всех процессуальных норм, направленных на реализацию материальных норм наследственного права, позволит рассматривать наследственное правоотношение во взаимодействии всех его элементов и стадий как некоторую юридическую целостность от момента его возникновения до момента его разрешения. Изложенное имеет особое значение для международного наследования, поскольку трансграничное наследование может, начавшись в рамках одной правовой системы как административно-процессуальное, затем продолжаться в другой правовой системе в рамках гражданского процесса, и наоборот. Например, в Исламской Республике Иран наследственный процесс, включая охрану, принятие и раздел наследственного имущества, протекает с участием суда [4, 10]. Следовательно, при взаимодей-

ствии с данной правовой системой права Беларуси в рамках одного наследственного отношения даже при отсутствии спора порядок реализации наследственных прав будет определяться и гражданско-процессуальными, и административно-процессуальными нормами. “В связи с этим при исследовании избранных проблем необходимо сравнивать не только нормы гражданского процессуального права различных государств, но и гражданско-процессуальные нормы одной страны с нормами административного права другой страны” [5, 6]. Таким образом, наследственный процесс можно определить как совокупность последовательных юридически значимых действий, совершаемых в целях реализации наследственных прав, одновременно урегулированных нормами гражданско-процессуального и административно-процессуального права. В отличие от понятий гражданского и административного процессов наследственный процесс в объективном смысле можно охарактеризовать как научную категорию, раскрывающую специфику применения административных и гражданских процессуальных норм в сфере наследственного правопреемства.

В основе общности международного гражданского и административного процесса помимо единых целей и задач лежит согласованная система принципов, определяющих порядок осуществления процессуальной деятельности компетентными органами, а также основные вехи нормотворчества в процессуальной сфере. Анализ ГПК Республики Беларусь и закона “О нотариате и нотариальной деятельности” позволил отнести к данным принципам: законность; приоритет суверенитета и публичного порядка; приоритет норм международных договоров над внутренним законодательством; равный доступ белорусских граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства к совершению процессуальных действий; процессуальное равноправие; взаимность; применение закона компетентного органа или применительно к судам — закона суда (*lex fori*).

Позиция законодателя при определении права, подлежащего применению к материально-правовой и процессуальной составляющей наследования, может быть различной. Например, круг наследников по закону в общем случае будет определяться по праву страны, где наследодатель имел последнее постоянное место жительства [1, ст. 1133], а порядок разрешения спора между ними по поводу наследования регулируется процессуальным законом государства местонахождения суда [2, ст. 542]. Используемый подход ведет к отказу от такого признанного в белорусской доктрине признака наследственного правопреемства, как универсальность, и может иметь результатом ущемление прав наследников. Попытки исключить такую ситуацию предприняты в некоторых международных договорах. Так, нормы договоров о правовой помощи и правовых отношениях, направленные на исключение случаев расщепления коллизионной привязки относительно материальных и процессуальных аспектов наследования. В качестве примера можно привести соглашения с Чехией, Латвией, Литвой, Кубой, в которых используется для определения органов, компетентных по ведению наследственных дел, привязка к месту постоянного жительства наследодателя в отношении движимого имущества и место нахождения для недвижимости [6, ст. 43; 7, ст. 46; 8, ст. 42; 9, ст. 35], что полностью совпадает с установленным в праве Беларуси статутом наследования. В двусторонних договорах, закрепляющих в качестве основного правила наследственного статута закон страны гражданства наследодателя и для определения компетентных органов в отношении производства по наследованию движимого имущества также используется привязка к гражданству наследодателя [10, ст. 47; 11, ст. 45]. Применение правил указанных международных договоров позволяет избежать конфликта материальных и процессуальных норм в рамках одного правоотношения.

На разрешение коллизии между иностранным законом, подлежащим использованию в конкретном случае и процессуальными правилами национального законодательства государства, к которому принадлежит компетентный орган, направлена норма ст. 1094 ГК Республики Беларусь, допускающая возможность в случае, если юридические понятия, требующие правовой квалификации, не известны праву страны суда или известны под другим названием или с другим со-

держанием и не могут быть определены путем толкования по праву страны суда, то при их квалификации может применяться право иностранного государства [1, ст.1094]. В данном случае речь идет о весьма ограниченной сфере применения иностранного права — только о квалификации юридических терминов. Но коллизионные привязки могут потребовать от белорусского суда применения норм иностранного права как единой системы. Например, в случае смерти гражданина Вьетнама, постоянно проживающего на территории Республики Беларусь, и обращении в белорусский суд с иском о разделе наследственного имущества наследников, проживающих в Беларуси и за ее пределами. В соответствии с правилами международного договора к данному правоотношению применяется материальное право Социалистической Республики Вьетнам [10, ст. 42].

В законе “О нотариате и нотариальной деятельности” закреплено более широкое правило, в соответствии с которым нотариусу предоставлено право в случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь, в том числе и международными договорами Республики Беларусь, применять нормы международного права [12]. Таким образом, административный процесс допускает более широкое применение норм иностранного права на территории Республики Беларусь, что обусловлено объективными практическими потребностями. Признание принципиальной возможности трансграничного наследования с необходимостью влечет за собой обязательность учета требований иностранных правовых систем, в противном случае признание наследственных прав белорусских граждан в отношении заграничного имущества, а также прав иностранцев наследовать имущество на территории Беларуси может превратиться в политическую декларацию.

Общность целей и содержания гражданского и административного процесса в рамках реализации наследственных прав предполагает использование единых подходов к возможности применения иностранного права. В этих целях следует расширить эту область судами Республики Беларусь. Но при этом “освобождение международного гражданского процессуального права от догмы *lex fori* не должно вести к другим крайностям, а именно, принципиально брать процессуальное право того правопорядка, что и материальное право. Здесь существует опасность утраты специфических процессуально-правовых интересов” [13, с. 20]. Представляется наиболее правильным допустить использование иностранного процессуального права по принципу наиболее тесной связи правоотношения с конкретным правовым пространством, что будет полностью соответствовать современным тенденциям развития международного процессуального и материального права. Решить поставленную задачу можно, дополнив ст. 542 ГПК Республики Беларусь частью 2 следующего содержания: “В случае, если применение правил настоящего кодекса к материальному правоотношению невозможно без существенного искажения его содержания, или ведет к ущемлению прав его участников, суд применяет процессуальное право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовым отношением, осложненным иностранным элементом”.

Специфика международного наследования, как уже было отмечено, выражается в особом субъектном составе процессуального отношения. В частности, в соответствии с Консульским уставом консул вправе совершать ряд нотариальных действий, а именно: удостоверить завещания, принимать меры по охране наследства или управлению им по поручению нотариуса, выдавать свидетельство о праве на наследство, а также о праве собственности на супружескую долю пережившего супруга [14, п. 13.1]. Кроме того, консул может без специальной доверенности представлять интересы граждан Республики Беларусь в органах иностранного государства [14, п. 4.6]. Консул реализует не только процессуальные полномочия в сфере материализации наследственных прав, но на него возложен и ряд организационных функций — осуществление мер по охране наследственного имущества, оставшегося после смерти гражданина

Республики Беларусь за границей; уведомление Министерства иностранных дел о наследстве, открывшемся в пользу граждан Беларуси и о возможных наследниках; принятие на хранение наследственного имущества для передачи наследникам, находящимся в Республике Беларусь [14, п.п. 9.1 — 9.3]. Участие консула в наследственном процессе с иностранным элементом предполагает два основных условия — гражданство наследодателя и гражданство наследника. Это означает, что консул будет компетентен по наследственным делам при открытии наследства в его округе после гражданина Республики Беларусь или в отношении наследственного имущества, находящегося в его округе, если в качестве наследников этого имущества выступают граждане Беларуси. Данное правило основано на сущности консульских полномочий, которые состоят в обеспечении защиты интересов представляемого государства и его граждан (физических и юридических лиц) в иностранном государстве [15, ст. 5а], а также на особенностях статуса граждан — лиц, состоящих в особой правовой связи с государством. Вместе с тем иностранные граждане и лица без гражданства, а также беженцы, домицилированные в Республике Беларусь, не пользуются консульской защитой, и в случае смерти такого лица в период временного пребывания в третьем государстве власти этого государства не несут обязанности уведомления белорусского консула о данном факте. Соответственно и белорусское консульство не уполномочено на совершение действий по охране имущества таких лиц, получению его для передачи наследникам, постоянно проживающим на территории Республики Беларусь, но не имеющим ее гражданства. Таким образом, жесткая привязка компетенции консулов к признаку гражданства может порождать определенные практические проблемы, связанные с неизвещением наследников указанных лиц, находящихся на территории Беларуси, о факте открытия наследства; передачей наследственного имущества консульству страны-гражданства наследодателя, давно утратившего фактическую связь со страной своего гражданства. Применительно к беженцам речь может идти о прямом ущемлении их прав, поскольку они добровольно в силу различных причин политического характера отказались от защиты государства своего гражданства. С учетом современных принципов международного права, предусматривающих приоритет прав и свобод личности, следовало бы распространить консульские полномочия в сфере наследования и на лиц, домицилированных в представляемом государстве, если они явным образом не выразят отказ от представления консулом данного государства их интересов.

Отметим еще один аспект участия консула в наследственных делах с участием белорусских граждан. Формулировки консульского устава Республики Беларусь, а также консульских конвенций не содержат императивно-обязывающих норм, речь идет только о праве (возможности) консула осуществлять юридические и организационные действия в сфере реализации наследственных прав. Факультативный характер консульских полномочий отмечался и в зарубежной судебной практике. “Например, Кассационный суд Франции, проанализировав типичные положения франко-греческого договора о консульских сношениях, пришел к выводу о том, что признанные полномочия консулов в области наследования осуществляются ими по усмотрению и не обязательны” [16, с. 151]. Поэтому следовало бы изложить нормы консульского устава Республики Беларусь, устанавливающие полномочия консула в отношении имущества граждан Республики Беларусь, а также закрепляющие нотариальные действия, выполняемые консулом, как императивные, сохранив возможность для граждан отказаться от консульской помощи по наследственным делам.

Применительно к производству по наследственным делам с иностранным элементом в судебных инстанциях наибольший интерес представляет вопрос о международной подсудности. В Республике Беларусь подсудность дел с участием иностранных граждан и лиц без гражданства определяется в соответствии с

белорусским законодательством, если положениями международного договора или соглашением сторон не установлены иные правила [2, ст. 544]. Таким образом, процессуальное так же, как и материальное законодательство Беларуси, допускает возможность изменить международную подсудность письменным соглашением сторон (пророгационное соглашение). Однако такое соглашение будет недействительным в отношении дел исключительной подсудности. При этом представляется, что следует учитывать исключительную подсудность и иностранного суда. Поэтому для устранения неоднозначности толкования процессуальных норм следует дополнить ст. 546 ГПК Республики Беларусь частью 3 следующего содержания: “Соглашение сторон о подсудности является недействительным, если оно нарушает исключительную подсудность иностранного суда”. К исключительной подсудности в Республике Беларусь применительно к международному наследованию относятся дела о правах на земельные участки, здания, помещения, сооружения, другие объекты, прочно связанные с землей, а также иски кредитора наследодателя, предъявляемые до принятия наследства наследниками [2, 48]. Последнее правило согласуется с положениями большинства двусторонних международных договоров об обусловленности выдачи наследственного имущества удовлетворением требований всех кредиторов наследодателя и уплатой пошлин и сборов, связанных с этим имуществом [7, ст. 49; 17, ст. 40]. Таким образом, независимо от гражданства, места жительства наследников и наследодателя белорусский суд будет компетентен в отношении наследства при одновременном наличии трех условий: наследственного имущества на территории Беларуси (независимо от вида этого имущества), заявления требований кредиторов наследодателя и отсутствия акта вступления в наследственные права со стороны наследников. Данное процессуальное правило позволяет вынести определенное решение в отношении наследственного имущества независимо от применимого материального права, а также вне связи с компетенцией суда конкретного государства по наследственному отношению.

Что касается отнесения споров о правах на недвижимость к исключительной подсудности, то следует обратить внимание на различие в терминологии ГК Республики Беларусь, определяющего имущество, в отношении которого применяется специальное правило наследственного статута, и определение предмета исключительной подсудности в ГПК Республики Беларусь. В соответствии с ГК Республики Беларусь исключение из общего правила наследственного статута существует не только для определения порядка наследования недвижимого имущества, но и имущества, зарегистрированного в Беларуси. Совершенно очевидно, что вне зависимости от места нахождения имущества, зарегистрированного в Беларуси, наследственное отношение будет регулироваться белорусским материальным правом. Представляется, что и процессуальное наследственное отношение, касающееся такого имущества, должно быть рассмотрено белорусским судом. В этих целях следует дополнить ст. 545 ГПК Республики Беларусь положением о том, что к исключительной подсудности белорусских судов относятся споры о правах на имущество, зарегистрированное в Республике Беларусь.

Таким образом, функциональное единство административно-правовых и гражданско-правовых норм, регулирующих порядок объективации наследственных прав, позволяет объединить их в рамках наследственного процесса. При этом термин “наследственный процесс” надлежит рассматривать как обозначение для комплексного правового института международного частного права, а также как научную категорию, раскрывающую специфику применения административных и гражданских процессуальных норм в сфере наследственного правопреемства, с иностранным элементом. Особенности процессуального отношения с иностранным элементом заключаются в особом субъектном

составе, в выделении дополнительных стадий и порядке использования процессуальных актов.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г.: с изм. и доп. — Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. 2003.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 11 янв. 1999 г. № 238 — 3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1999. — № 18 — 19. 2/13; № 54. — 2/56; 2000. — № 5. — 2/124; № 47. — 2/150; 2003. — № 3. — 2/919; № 74. — 2/961; № 133. — 2/1173; Звезда. — 2006. — 25 мая.
3. *Никитюк, П.С.* Проблемы советского наследственного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П.С. Никитюк. — М.: Институт гос-ва и права, 1975.
4. *Пелевен, М.С.* Наследование в Иране / М.С. Пелевен // Журн. междунар. част. права. — 1997. — № 1.
5. *Гольская, Д.Х.* Правовые проблемы сотрудничества социалистических и капиталистических стран в делах о наследовании / Д.Х. Гольская. — М.: Наука, 1980.
6. О ратификации протокола между Республикой Беларусь и Чешской Республикой об урегулировании вопросов правопреемства в отношении международных договоров между бывшим Союзом Советских Социалистических Республик и бывшей Чешской и Словацкой Федеративной Республикой: Закон Респ. Беларусь от 1 нояб. 2002 г. — № 142 — 3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2002. — № 126. — 2/891.
7. О ратификации договора между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, № 3579 — XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. — 1995. — № 26.
8. О ратификации договора между Республики Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 3 февр. 1993 г., № 2158 — XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. — 1993. — № 17.
9. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в Гаване 28 ноября 1984 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2002. — № 127. — 2/889.
10. О ратификации договора между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам: Закон Респ. Беларусь, 15 мая 2001 г. № 20 — 3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2001. — № 50. — 2/763.
11. О ратификации договора между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам: постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 9 февр. 1995 г., № 3578 — XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. — 1995. — № 27.
12. О порядке совершения нотариальных действий на территории Республики Беларусь для иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц: инструкция М-ва юстиции Респ. Беларусь от 17 авг. 1995 г. № 05 — 11 // Бюл. нормативно-правовой информ. — 1995. — № 10.
13. *Шак, Х.* Международное гражданское процессуальное право: учеб. / Х. Шак; пер. с нем. — М.: БЕК, 2001.
14. Об утверждении Консульского устава: Указ Президента Респ. Беларусь, 19 февр. 1996 г. № 82: сб. действующих нормативных правовых актов Президента Респ. Беларусь (1994 — 2000) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2000. — № 49. — 1/1275; 2005. — № 1. — 1/6084.
15. Венская конвенция о консульских сношениях: Конвенция (международный акт) от 24 апреля 1963 г. // Консультант Плюс: Беларусь Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр». — Электрон. текстовые данные и программы. — Минск, 2006 — Дата доступа: 29.06.2006 г.
16. *Медведев, И.Г.* Международное частное право и нотариальная деятельность / И.Г. Медведев. М.: Волтерс Клувер, 2005.
17. О ратификации консульской Конвенции между Республикой Беларусь и Российской Федерацией: постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 25 апр. 1996 г., № 224 — XIII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. — 1996. — № 17. — Ст. 227, 40.